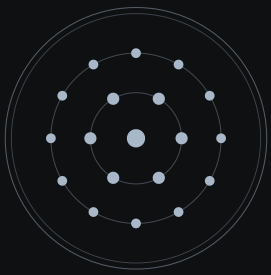
O.V.K — X.T.R

ТОЛПА

КАК ВЕДЁТ СЕБЯ МНОЖЕСТВО

ЛЕБОН, ТАРД, ПАНИКА И СЛУХ

O.V.K — X.T.R

ТОЛПА

КАК ВЕДЁТ СЕБЯ МНОЖЕСТВО

Книга о том, что происходит с человеком среди многих:
от Лебона и Тарда к опытам о свидетеле и подражании,
о заражении, слухе, панике и давке — и о том, как в толпе остаться собой

НАСТОЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

«Толпа не глупее человека и не умнее его; она иначе устроена, и знать это устройство важнее, чем судить о нём».

— из тетради распорядителя

Книга писана для того, кто стоит в толпе,
и для того, кто ею распоряжается.
Устройство изложено как устройство,
границы — как границы,
и ничто не выдаётся за закон природы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

* *

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОСНОВАНИЯ

I. Что такое толпа 2
II. Слово и его происхождение 3
III. Три основания 4
IV. Лебон 5
V. Тард и публика 6
VI. Опыты нашего века 7
VII. Русская линия 8
VIII. Чем толпа не является 9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. УСТРОЙСТВО

IX. Виды множества 11
X. Безымянность 12
XI. Заражение 13
XII. Вожак 14
XIII. Слух 15
XIV. Паника 16
XV. Плотность и давка 17
XVI. Толпа в сети 18

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. РЕМЕСЛО

XVII. Собрание 20
XVIII. Праздник и зрелище 21
XIX. Очередь 22
XX. Бунт 23
XXI. Выход из горящего дома 24
XXII. Пресечение слуха 25
XXIII. Говорящий перед толпой 26
XXIV. Один в толпе 27

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ПРОТИВНИК

XXV. Толпа как орудие 29
XXVI. «Все так делают» 30
XXVII. Свидетель, который не помог 31
XXVIII. Травля 32
XXIX. Поветрие 33
XXX. Козёл отпущения 34
XXXI. Толпа и власть 35
XXXII. Толпа внутри 36

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ГРАНИЦА

XXXIII. Чего наука о толпе не может 38
XXXIV. Мнимые учения 39
XXXV. Мудрость множества 40
XXXVI. Упражнения 41
XXXVII. Гигиена стоящего в толпе 42
XXXVIII. Правила ведущего собрание 43
XXXIX. Правила стоящего в толпе 44
XL. Заключение: множество и мера 45

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОСНОВАНИЯ

Откуда пошла наука о толпе, что в ней от Лебона и что от опыта,
чем публика отличается от толпы
и отчего человек среди многих становится иным

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что такое толпа

*

Толпой зовётся множество людей, собранных в одном месте и в одно время и связанных общим предметом внимания; и человек в ней ведёт себя не так, как вне её.

Определение отделяет толпу от двух соседей. От *собрания* — ибо собрание имеет порядок, председателя и цель, а толпа — лишь предмет и место. От *публики* — ибо публика связана предметом, но рассеяна: читатели одной газеты не видят друг друга и не заражаются. Различие это ввёл Тард, и о нём глава пятая.

Книга эта стоит рядом с книгами о внушении и о наблюдении. Первая — о том, как чужое становится своим без довода; вторая — о том, как видеть. Толпа есть место, где внушение действует сильнее всего, а видеть труднее всего; и книга о ней есть книга и для стоящего в толпе, и для распоряжающегося ею.

Различим три вещи, кои в обиходе смешивают. **Толпа** — собранное множество с общим предметом. **Масса** — множество рассеянное, но однородное: покупатели, зрители, избиратели. **Народ** — множество, связанное памятью и обычаем. Слова эти путают нарочно: назвавший народ толпой уже вынес приговор.

Оттого части книги таковы: вторая — устройство: безымянность, заражение, вожак, слух, паника, давка; третья — ремесло: собрание, праздник, очередь, бунт, выход; четвёртая — противники: толпа как орудие, травля, поветрие; пятая — границы, мудрость множества и правила.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Слово и его происхождение

*

Русское «толпа» родственно «толочь» и «толкать»: толпа есть то, что толчётся и толкается, — тело, а не собрание умов.

Латинское turba означает и толпу, и смятение; отсюда «турбулентность» и «возмущение». Vulgus — чернь, простонародье; отсюда «вульгарный». Греческое «охлос» — толпа, откуда «охлократия» — власть толпы, худший из строёв у Полибия. Все три слова несут презрение: о толпе писали те, кто в ней не стоял.

Различим слова. *Толпа* — собранное множество. *Масса* — рассеянное однородное; слово физическое, перенесённое в общество в девятнадцатом веке. *Публика* — от publicus, общий: те, кому обращено. *Чернь* и *сброд* — толпа, названная сверху. *Народ* — множество с памятью. *Скопление* — толпа без предмета: на вокзале, на рынке.

«Психология масс» — выражение Лебона, и от него пошла наука; заметим, что Лебон писал о толпе, а назвал массой, и путаница длится доныне.

Заметим наперёд, что в этой книге *толпа* означает устройство, а не оценку: устроена и толпа погромщиков, и толпа спасающих, и различие между ними не в устройстве, а в предмете.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Три основания

*

Всё дальнейшее стоит на трёх положениях, и они же отделяют знание о толпе от презрения к ней.

Первое: в толпе человек иной. Не глупее и не злее — иной: безымянный, заражённый чужим чувством, следующий за движением. Свойства эти суть устройство положения, а не характер; они появляются у всякого и исчезают с толпою.

Второе: толпа не рассуждает, а заражается. Довод в ней не действует; действует образ, повтор и движение соседа. Оттого говорить с толпою значит не убеждать, а вести, о чём глава двадцать третья.

Третье: толпа не безумна, а устроена. Паника, давка, бунт имеют устройство и причины: плотность, выход, искра, слух. Кто знает устройство, тот предвидит и распоряжается; кто зовёт толпу безумной, тот снимает с себя ответственность за неустроенное.

Из трёх положений выводится и ремесло третьей части — собрание, очередь, выход, — и главная ошибка, разобранная в главе тридцать четвёртой: считать, что толпа всегда паникует и всегда глупа.

И заметим родство с книгой о сети: толпа есть сеть с плотнейшими связями и кратчайшими путями, и всё, что там сказано о распространении, действует здесь в считанные минуты.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Лебон

*

Гюстав Лебон в 1895 году издал «Психологию народов и масс» — книгу, которую читали правители всего следующего века и которая верна наполовину.

Что он утверждал. В толпе человек теряет себя и приобретает *душу толпы*: безымянность снимает ответственность; заражение передаёт чувство от соседа к соседу; внушаемость делает толпу подобной загипнотизированному. Толпа импульсивна, легковерна, нетерпима, преувеличивает и мыслит образами. Вожак ведёт её утверждением, повторением и заражением — тремя средствами, о которых книга о внушении.

Что подтвердилось. Заражение чувством — вполне; действие безымянности — отчасти; сила образа и повтора — вполне; три средства вожака — вполне.

Что нет. Что толпа всегда ниже составляющих её людей: опыты показали толпы разумные и спасающие. Что она иррациональна по природе: она рациональна по-своему, о чём главы четырнадцатая и тридцать пятая. И что Лебон писал беспристрастно: он писал против революций и о народе, которого боялся.

Чему это учит. Лебон описал *устройство* верно и *оценил* его неверно. Устройство надлежит взять; оценку — проверить опытом, о чём глава шестая.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Тард и публика

*

Габриель Тард, судья и социолог, ответил Лебону в 1901 году книгой «Мнение и толпа» и ввёл различие, без которого о толпе нельзя думать.

Публика. Толпа требует места и тела; публика — нет: читатели одной газеты рассеяны по стране и связаны лишь тем, что читают одно и в одно время. Публика есть «толпа духовная», создание печати; она не толкается и не давит, но заражается и мыслит вместе. Тард предсказал, что век будет веком публики, а не толпы, — и был прав: радио, телевидение и сеть суть публика, умноженная.

Подражание. Вся общественная жизнь, по Тарду, есть подражание: обычай — подражание предкам, мода — подражание современникам. Толпа — подражание мгновенное и телесное; публика — подражание отсроченное и мысленное. О зеркале в теле — книга о жесте.

Мнение. Публика рождает мнение — то, что «все думают»; и мнение это, не будучи ни истиной, ни решением, правит сильнее закона.

Чему это учит. Устройство толпы — заражение, вожак, слух — переносится на публику с поправкой на расстояние и время; и то, что в толпе занимает минуты, в публике занимает дни, но идёт теми же путями. Об этом — глава шестнадцатая.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Опыты нашего века

*

Четыре ряда опытов проверили Лебона, и итог их неожиданнее его книги.

Подражание. Милгрэм ставил на улице людей, смотрящих вверх; один останавливал немногих, пятеро — большинство прохожих. Соломон Аш показывал линии: если семеро подставных называли неверную, третий из настоящих соглашался с ними против своих глаз. Об этом глава двадцать шестая.

Свидетель. Латане и Дарли после убийства Китти Дженовезе в 1964 году нашли: чем больше людей видит беду, тем меньше вероятность, что кто-либо поможет. Ответственность делится и исчезает. Глава двадцать седьмая.

Паника. Разбор пожаров и давок показал: люди в опасности не бегут врассыпную, а помогают, ждут, идут знакомым путём; давка происходит не от паники, а от плотности и устройства выходов. Об этом главы четырнадцатая и пятнадцатая.

Мудрость. Гальтон в 1907 году обнаружил, что среднее из восьмисот догадок о весе быка на ярмарке было точнее любого знатока. При условиях, о которых глава тридцать пятая.

Урок общий: *заражение и подражание подтвердились; безумие и глупость — нет*. Толпа опасна не тем, что теряет ум, а тем, что ум её устроен иначе, и устройство это можно знать.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Русская линия

*

У нас о толпе писали врачи и писатели, и обе линии сошлись на одном: толпа есть внушение, ставшее телом.

Бехтерев в книге «Внушение и его роль в общественной жизни» и в «Коллективной рефлексологии» разобрал толпу как цепь внушений: чувство передаётся от одного к другому не доводом, а видом и голосом, и оттого толпа заражается быстрее, чем понимает. Он же первым у нас ставил опыты над группами.

Ходынка 1896 года — полторы тысячи погибших в давке за подарками на коронации — стала образцом того, о чём глава пятнадцатая: причина была не в безумии, а в рвах, узком проходе и слухе, что подарков не хватит.

Пушкин кончил «Бориса Годунова» словами «народ безмолвствует» — и показал толпу, которая не заражена: молчащее множество страшнее кричащего. **Толстой** в «Войне и мире» дал толпу в Москве 1812 года и Верещагина, растерзанного по слову Растопчина: искра, вожак, козёл отпущения — всё устройство четвёртой части в одной сцене.

Достоевский в «Бесах» описал, как малая кучка делает толпу орудием, — о чём глава двадцать пятая.

Урок линии: *толпу делают* — словом, обстановкой, устройством прохода; и ответственность за неё лежит на устроившем. Это положено в основу третьей части.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Чем толпа не является

*

Отсечём лишнее, ибо о толпе судят чаще, чем знают.

Толпа не есть народ. Народ имеет память и обычай; толпа — лишь предмет и место. Назвать народ толпой значит отнять у него память.

Она не глупа. Она не рассуждает, ибо рассуждение требует одиночества и времени; но восемьсот человек на ярмарке угадали вес быка лучше знатока.

Она не всегда паникует. Разбор пожаров и крушений показал больше помощи, чем бегства; паника есть исключение, устроенное обстановкой.

Она не зла. Толпа спасающих устроена так же, как толпа громящих; злом или добром её делает предмет и вожак.

Она не безответственна. Безымянность снимает ответственность в чувстве, а не в праве; и всякий в толпе остаётся собою настолько, насколько помнит об этом.

И она не есть нечто внешнее. Всякий стоял в толпе и будет стоять; книга эта не о них, а о нас.

Что же она есть? *Множество, собранное вокруг предмета, в котором человек безымянен, заражён и следует за движением, — и которое устроено настолько, что его можно предвидеть.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

УСТРОЙСТВО

Виды множества, безымянность и заражение,
вожак, слух и паника,
плотность, при которой толпа давит, и толпа без места — в сети

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Виды множества

*

Множества различны по тому, что их собрало и что их держит; и всякое имеет своё устройство и свою опасность.

Случайное скопление — вокзал, рынок, улица: нет общего предмета, есть лишь место. Оно безопасно, покуда не появится предмет — происшествие, крик, — и тогда за минуту становится толпой.

Зрительская толпа — стадион, площадь, зрелище: предмет общий, чувство общее, движения нет. Опасна при перемене предмета: гол, обрушение, слух.

Действующая толпа — бунт, погром, бегство: предмет и движение. О ней главы двадцатая и двадцать первая.

Собрание — множество с порядком: председатель, повестка, очередь слова. Оно перестаёт быть собранием, когда порядок сломан, о чём глава семнадцатая.

Очередь — множество с правилом первенства; о ней глава девятнадцатая.

Публика — рассеянное множество с общим предметом: читатели, слушатели, сеть. Заражается медленнее и шире.

Масса — рассеянное без предмета: покупатели, избиратели вообще. О ней говорят, но её никто не видел.

Правило чтения: спросить, есть ли у множества *предмет*, *место* и *порядок*. Предмет без порядка даёт толпу; порядок без предмета — учреждение; предмет без места — публику.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Безымянность

*

Первое, что толпа делает с человеком, — снимает с него имя; и всё дальнейшее следует из этого.

Что происходит. В толпе никто не смотрит на одного; ответственность делится на всех и не достаётся никому; поступок, невозможный при свидетелях, возможен среди тысячи, ибо тысяча — не свидетели, а соучастники. Об имени и о том, что оно держит, — отдельная книга.

Опыты. Люди в масках и в темноте ведут себя жёстче, чем при свете и с открытым лицом; и та же безымянность делает их щедрее, если толпа щедра. Безымянность не делает злым — она снимает узду, а куда пойдёт освобождённое, решает предмет и вожак.

Форма и маска. Мундир, капюшон, одинаковая одежда усиливают безымянность нарочно — в войске ради стойкости, в погроме ради безнаказанности.

Сеть дала безымянность без толпы: человек один за экраном, но без имени, — и ведёт себя как в толпе, о чём глава шестнадцатая.

Что возвращает имя. Обращение по имени; взгляд в лицо; выделение из толпы — «вы, в синей куртке»; зеркало, буквально: у витрин люди ведут себя лучше. Распорядитель, знающий это, называет людей и смотрит на них.

Правило: *человек в толпе ведёт себя так, как если бы его не видели; напомнить ему, что видят, — значит вернуть его.*

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Заражение

*

Чувство в толпе передаётся от соседа к соседу без слов, как зевота, и это подтверждено вернее прочего у Лебона.

Устройство. Человек видит лицо и тело соседа и повторяет их прежде, чем понял, о чём книга о жесте; повторённое тело даёт чувство; чувство даёт голос и движение; их видит следующий. Волна идёт по толпе быстрее слова, ибо слово требует понимания, а лицо — нет.

Что заразительно более прочего: страх и смех; движение — побежавший увлекает; звук — крик, аплодисменты, скандирование. Что менее: довод и сомнение — они не имеют лица.

Скорость зависит от плотности: в редкой толпе волна гаснет, в плотной — идёт до края. Оттого зрелище усаживают плотно, когда хотят единства, и редко, когда хотят порядка.

Заражение мнением идёт медленнее, теми же путями и требует повтора; о нём книга о внушении, где заражение разобрано как средство.

Что останавливает. Один спокойный человек на виду; распорядитель с ровным голосом; пауза — секунды тишины гасят волну; разрежение — расступиться. И имя из предыдущей главы.

Правило: *в толпе чувство есть не сведение о деле, а сведение о соседе*; кто помнит это, тот заражается медленнее и первым видит, откуда пришла волна.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Вожак

*

Толпа без вожака стоит; вожак даёт ей направление, и Лебон разобрал его средства верно.

Три средства. *Утверждение* — без довода, без оговорок, коротко. *Повторение* — то же самое, теми же словами, много раз. *Заражение* — собственная уверенность, голос, тело. Всё это разобрано в книге о внушении; толпа лишь усиливает.

Кто становится вожаком. Не умнейший и не сильнейший, а первый двинувшийся; толпа идёт за движением, а не за лицом. Побежавший первым ведёт бегство; крикнувший первым — погром; вышедший первым к выходу — спасение. Оттого распорядитель должен быть первым — или иметь своих первых.

Устройство вожака из Лебона: обаяние — чин, слава, вид; уверенность, не знающая сомнения; простота — одна мысль, один образ, один враг.

Опасность. Вожак ведёт толпу, покуда идёт впереди; отставший растерзан ею же. Толпа не помнит вожака, а лишь движение.

Против вожака помогает не спор — спор в толпе не слышен, — а другой вожак, другое движение, разрежение и время. О говорящем перед толпой — глава двадцать третья.

Правило: *в толпе ведёт не тот, кто прав, а тот, кто первый и уверен*; и распорядитель, не готовый быть первым, отдаёт толпу тому, кто готов.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Слух

*

Слух есть сведение без источника, идущее от человека к человеку; устройство его изучено в 1947 году Олпортом и Постманом, и с тех пор не переменилось.

Сила слуха равна важности предмета, помноженной на его неясность. Где всё известно, слуха нет; где ничего не важно — тоже. Слух живёт там, где важно и неизвестно: война, болезнь, деньги, власть.

Три перемены при передаче. *Сглаживание* — подробности отпадают, остаётся короткое. *Заострение* — оставшееся усиливается: «несколько» становится «многими», «может быть» — «точно». *Уподобление* — слух подгоняется под ожидание слушающих: под их страх, вражду, надежду. Через десять передач слух говорит не о событии, а о слушающих.

Слух в толпе идёт за минуты и превращается в движение: «подарков не хватит» — и Ходынка. Слух в публике идёт за дни и превращается в мнение.

Признаки: «все говорят», «один знакомый видел», «из надёжных источников»; отсутствие имени, места, времени; согласие с тем, чего боятся или хотят.

О пресечении — глава двадцать вторая; здесь довольно правила: *слух не опровергают повторением слуха*; кто сказал «неправда, что подарков не хватит», тот повторил слух с отрицанием, которого толпа не слышит.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Паника

*

Паника есть бегство, охватившее многих разом; она реже, чем принято думать, и устроена иначе, чем описывал Лебон.

Что показал разбор. Пожары, крушения, обстрелы разобраны по свидетельствам сотен случаев: люди по большей части не бегут врассыпную, а медлят, ищут своих, помогают, идут тем путём, которым пришли. Паника в собственном смысле — слепое бегство — возникает при трёх условиях разом: угроза видна и близка; выход виден и узок; времени, по общему ощущению, не хватит на всех.

Заражение. Побежавший первым — вожак из главы двенадцатой; крик — волна из одиннадцатой. Оттого паника начинается с одного и с одного же останавливается.

Медлительность опаснее паники: люди ждут подтверждения, докуривают, собирают вещи, и в пожаре гибнут не от давки, а от того, что вышли поздно. Сообщение, ясное и повторённое, спасает больше, чем широкие двери.

Что помогает: голос распорядителя — ровный, громкий, с указанием куда; свои первые у выходов; свет и знаки; и правило, которое надлежит знать заранее: *второй выход*, а не тот, которым вошли.

Правило: *толпа не паникует — её приводят в панику узкий выход и неясное слово*; и оба устраиваются заранее тем, кто отвечает за место.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Плотность и давка

*

Давка убивает без паники и без злого умысла: довольно плотности, при которой толпа перестаёт быть людьми и становится жидкостью.

Мера. До двух человек на квадратный метр толпа идёт свободно; при четырёх — движение по воле соседей; при шести и более — давление передаётся через тела, как через воду, и человек не может ни упасть, ни вздохнуть. Погибают стоя, от сдавливания груди, не от затаптывания.

Волна. В плотной толпе толчок с края идёт волной и усиливается, как в трубе; у стены, в проходе, на лестнице волна не имеет выхода и давит. Ходынка, Хиллсборо, десятки стадионов и площадей устроены одинаково: сужение и приток сзади, не знающий, что впереди стена.

Отчего. Задние не видят передних и напирают на слух — «впереди дают», «впереди выход». Толпа не давит намеренно; она не знает, что давит.

Что помогает. Считать плотность заранее и ограничивать вход; ставить преграды, ломающие волну; сообщать задним о том, что впереди; не сужать проходов; никогда не открывать одного выхода для многих.

Для стоящего в толпе — глава двадцать четвёртая; здесь довольно знать: плотность узнаётся по тому, что руки не поднять к лицу, — и с этой минуты надлежит выходить вбок, пока можно.

Правило: *давка есть ошибка устройства места, а не ошибка толпы*; и ответ за неё несёт устроивший место.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Толпа в сети

*

Сеть дала множество без места и тела, и оно ведёт себя как толпа Лебона и публика Тарда разом.

Безымянность без толпы: человек один, но без имени и лица, — и пишет то, чего не сказал бы в глаза. Глава десятая действует здесь сильнее, чем на площади.

Заражение без лица — через слово и знак; медленнее площади, быстрее газеты: часы. Идёт по путям, о которых книга о сети: через крупные узлы, лавиной, и лавина не отличает правды от лжи.

Слух сглаживается, заостряется и уподобляется при каждом пересказе, как в 1947 году, и пересказ нынче есть нажатие кнопки. Кто нажал, тот передал; о том, что узел отвечает за пересланное, — книга о сети.

Вожак — первый и уверенный; довод не слышен, слышны образ и повтор.

Травля — глава двадцать восьмая — в сети устроена как погром: безымянность, заражение, козёл отпущения, отсутствие свидетелей, которые смотрели бы в лицо.

Что иначе. Нет плотности и давки; есть время — можно не отвечать час; есть выход — закрыть. Толпа в сети не может задавить телом; она давит словом, и слово, в отличие от тела, можно не читать.

Правило: *всё, что сказано о толпе, действует в сети, кроме давки; и всё, что защищает в толпе, — имя, пауза, выход, — действует в сети вдвое, ибо там оно доступно каждому*.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РЕМЕСЛО

Собрание и праздник, очередь и бунт,
выход из горящего дома, пресечение слуха,
говорящий перед толпой и один в толпе

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Собрание

*

Собрание есть множество, удержанное порядком от того, чтобы стать толпой; и ремесло ведущего состоит в удержании порядка, а не в решении вопросов.

Порядок. Повестка, объявленная заранее; председатель, дающий слово; очередь слова; срок речи; голосование по назначенному. Всякое из этих пяти, будучи сломано, впускает толпу: без повестки говорят о всём, без очереди — разом, без срока — до ночи.

Первые минуты решают: собрание, начатое вовремя и с чтения повестки, остаётся собранием; начатое с ожидания и разговоров — уже толпа с предметом.

Заражение в собрании идёт по правилам главы одиннадцатой: один возмущённый голос заражает ряд, ряд — зал. Средство — пауза, имя и слово по очереди: «Иван Петрович, вам слово через две минуты». Названный по имени — уже не толпа.

Вожак из зала — первый и уверенный — появляется, когда председатель медлит. Средство одно: быть первым самому.

Число. До дюжины — беседа; до полусотни — собрание; свыше — зрелище с голосованием, и обсуждать там нельзя, можно лишь докладывать и считать.

Керженцев, о котором книга о времени, требовал от собраний повестки, срока и протокола — и это всё ремесло. Правило: *собрание, не имеющее порядка, имеет вожака*; выбор между двумя, и третьего нет.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Праздник и зрелище

*

Праздник есть толпа, собранная нарочно и по обычаю; зрелище — толпа, усаженная перед предметом; оба устроены так, чтобы заражение шло, а движение — нет.

Обычай держит праздник вместо порядка: все знают, что и когда делать, — шествие, стол, песня, огонь. Об устройстве обычая — книга о ритуале; здесь довольно того, что обычай есть порядок, не требующий председателя, и оттого праздник переносит толпу больше, чем собрание.

Зрелище усаживает: сидящая толпа заражается, но не движется. Стадион опасен в двух местах — на входе и на выходе, где сидящие становятся идущими; и в одну минуту — при перемене предмета: гол, драка, обрушение.

Плотность на празднике не считают, и в этом беда: площадь, вмещающая пятьдесят тысяч стоя, вмещает двадцать безопасно. Ходынка была праздником.

Заражение на празднике желанно — ради него и собираются; но оно же за минуту обращается из веселья в страх при слухе или толчке. Распорядитель праздника есть распорядитель выходов и голоса, а не веселья.

Правила: считать вход; знать выходы и держать их открытыми; иметь голос, слышный всем; иметь своих первых в толпе; и кончать праздник прежде, чем он кончится сам.

Правило общее: *праздник устроен обычаем, а безопасность его — счётом*; обычай не считает.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Очередь

*

Очередь есть множество с одним правилом — первенством по времени; и на этом правиле стоит больше общественного порядка, чем на иных законах.

Устройство. Кто раньше пришёл, тот раньше получит; всякий знает своё место; никто не получает вне порядка. Правило это не нуждается в надзирателе: очередь надзирает за собою сама, и нарушитель встречает сопротивление всех.

Отчего работает. Правило видимо, просто и справедливо; всякий в нём и первый по отношению к задним, и последний по отношению к передним, и оттого держит его с обеих сторон.

Чем ломается. Неясностью: где конец, кто за кем, сколько дадут. Слухом: «на всех не хватит» — и очередь становится толпой у двери; Ходынка началась с этого. Исключением: «ему можно» — и правило теряет силу для всех.

Ремесло. Обозначить конец и порядок — номерами, лентой, списком. Сообщать, сколько есть и на скольких хватит. Не давать никому вне очереди на виду у неё. Держать движение: очередь, которая движется, терпелива; стоящая — ропщет.

Очередь как мера. По тому, стоит ли народ в очереди спокойно, судят о доверии к порядку вернее, чем по опросам.

Правило: *очередь есть толпа, согласившаяся на порядок; сломать согласие проще, чем построить, и ломает его всегда тот, кто раздаёт.*

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Бунт

*

Бунт есть действующая толпа, обращённая против чего-либо; он начинается с искры, идёт заражением и кончается усталостью или силой — и разбор его нужен обеим сторонам.

Искра. Всякий бунт имеет случай — арест, удар, слух, — о котором потом говорят, что «из-за такой мелочи». Мелочь есть искра, а не причина; причина копилась.

Вожак — первый двинувшийся; нередко случайный. Толпа идёт за движением, о чём глава двенадцатая.

Нарастание. Разбор бунтов показал: толпа отвечает на силу силой, и всякий удар с одной стороны увеличивает толпу с другой; безымянность растёт с числом. Полиция, вошедшая в толпу, делает её; полиция, стоящая на краю и говорящая, — распускает.

Козёл отпущения — глава тридцатая: бунт ищет виноватого поблизости, и находит первого попавшегося.

Что останавливает. Время — толпа устаёт за часы; дождь и ночь; отсутствие предмета — закрытые двери, увезённый арестант; голос, обещающий разбор; и разрежение — открытые пути ухода. Закрытые пути превращают бунт в давку.

Правило, общее для власти и для стоящего: *бунт кормится силой и умирает от времени*; кто не может ждать, тот проигрывает.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Выход из горящего дома

*

Ремесло вывести многих из опасного места изучено по сотням пожаров, и правила его противоречат тому, что подсказывает страх.

Люди медлят. Первые минуты пожара уходят на подтверждение: смотрят на других, ждут объявления, собирают вещи. Гибнут не от давки, а от опоздания. Оттого первое правило — *ясное, повторённое слово*: «пожар, выходите через правую дверь», голосом, а не звонком.

Люди идут знакомым путём. Тем, которым вошли, — даже если он дальше и уже горит. Оттого второе правило — знать *второй выход* до опасности и указывать его.

Люди ищут своих. Родители идут против потока за детьми. Оттого — собирать семьи вместе и выводить вместе.

Люди помогают. Больше, чем бегут; разбор показывает взаимопомощь как правило. Оттого — поручать: «вы, помогите ему».

Первые ведут: распорядитель или его люди идут к выходу первыми и громко; за ними идут. Стоящий и кричащий «не паникуйте» создаёт панику словом.

Плотность у выхода — глава пятнадцатая: не сужать, не запирать, не открывать одного на всех.

Правило: *выход устраивают до пожара; во время пожара его только называют*.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Пресечение слуха

*

Слух живёт важностью и неясностью; пресечь его можно лишь убрав неясность — и не иначе.

Не повторять. Опровержение, повторяющее слух, распространяет его: «неправда, что хлеба не будет» несёт «хлеба не будет» дальше. Говорят то, что есть: «хлеб есть, привезли столько-то, выдача с такого-то часа».

Быстро. Слух заполняет пустоту; ответ, пришедший через сутки, приходит в занятое место. Первое сообщение должно быть первым, даже если оно неполно: «известно то-то; остальное сообщим в такой-то час».

Ясно и точно. Число, место, час, имя. Слух сглаживает и заостряет; точность не сглаживается.

Из известного источника. Кому верят — тот и говорит; и говорит своим голосом и лицом, а не бумагой. В толпе — распорядитель; в публике — тот, кому верили прежде.

Повторять своё, не слух: сообщение, сказанное трижды, вытесняет слух, сказанный десять раз, если оно точнее.

Признать неизвестное. «Мы не знаем, сколько» — честнее и действеннее, чем молчание; молчание толпа заполняет худшим.

Правило, общее с книгой о внушении: *слух побеждают не отрицанием, а другим сведением — более точным, более ранним и от более верного лица.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Говорящий перед толпой

*

Речь перед толпой не есть речь перед собранием: довод здесь не слышен, слышны образ, ритм и тело.

Что слышно. Короткая фраза; повтор; образ — один; имя — своё и врага; призыв к движению. Что не слышно: рассуждение, оговорка, второй довод, «с одной стороны». Об этом книга о риторике говорит как о роде речи; здесь — о её пределе.

Тело громче слов: с площади видны поднятая рука, шаг и остановка; о жесте перед многими — книга о жесте. Голос — ниже и медленнее, чем хочется; о нём — книга о голосе.

Заражение идёт от говорящего к первым рядам и далее волной; говорящий, чьи слушающие повторяют его жест, ведёт толпу — и должен спросить себя, куда.

Опасность. Речь перед толпой есть средство власти, а не убеждения: убеждённых в ней нет, есть заражённые, и заражённые назавтра не помнят, за что были. Кто пользуется этим ради дела, тот получает дело и теряет людей.

Честное употребление: вывести, успокоить, назвать выход, остановить давку, пресечь слух. Здесь те же средства — короткое, повторённое, с телом и именем — служат толпе, а не говорящему.

Правило: *перед толпой говорят, чтобы вести, а не чтобы убедить; и оттого говорящий отвечает за то, куда привёл.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Один в толпе

*

Всякий стоит в толпе, и ремесло стоящего состоит в том, чтобы остаться собою и выйти целым.

Край. Входя, знать, где выход, и держаться ближе к краю, чем к середине; середина плотной толпы не имеет выхода вовсе.

Мера плотности. Если рук не поднять к лицу — выходить вбок и назад тотчас, покуда можно; ждать не следует, ибо через минуту будет нельзя.

В давке. Руки согнуты перед грудью — это защищает дыхание; идти с волной, не против неё; не наклоняться за упавшим — поднять его рывком; не кричать — беречь воздух. Упавшему — свернуться, закрыв голову, и подниматься при первой слабине.

Против заражения. Помнить, что чувство в толпе есть сведение о соседе, а не о деле; считать — до десяти, шаги, людей; смотреть на одно лицо; назвать себя по имени, хотя бы про себя. Об имени, возвращающем человека, — глава десятая.

Против вожака. Не бежать за побежавшим, пока не видишь, от чего; спросить соседа, что случилось; идти к выходу шагом.

Против безымянности. Смотреть людям в лицо и говорить с ними: названный по имени сосед перестаёт быть толпой и становится человеком, и вы вместе с ним.

Правило: *в толпе спасает не сила, а край, дыхание и имя*; всё три надлежит помнить прежде, чем вошёл.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ПРОТИВНИК

Толпа как орудие, «все так делают», свидетель, который не помог,
травля и поветрие, козёл отпущения,
толпа во власти — и толпа внутри человека

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Толпа как орудие

*

Толпу собирают нарочно те, кому нужны её безымянность и заражение; и устроенная толпа отличается от случайной по признакам.

Подставные. Немногие, расставленные в толпе, кричат первыми, двигаются первыми, показывают, что можно. Это подставная игра из книги об обмане, умноженная: десяток делает движение, тысяча идёт за движением.

Заготовленный вожак с заготовленным словом; заготовленный враг — козёл отпущения из главы тридцатой; заготовленное место — там, где толпа видна и где выход узок.

Признаки устроенной толпы: одинаковые слова у разных людей; движение, начавшееся в нескольких местах разом; вожак, слишком готовый; враг, найденный слишком быстро; и то, что известно заранее тем, кто должен был бы узнать последним.

Достоевский в «Бесах» показал устройство точно: пятеро делают город.

Для стоящего в толпе правило одно: спросить, кто первый и откуда он; первый, которого никто не знает, есть подставной. И не идти за движением, начавшимся не от дела.

Для распорядителя: устроенная толпа расстраивается тем же — своими первыми, своим словом, разрежением и светом: подставные не любят, когда их видно.

Правило: *толпа, у которой всё готово, есть не толпа, а спектакль; и зрителям надлежит уйти, а не аплодировать.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

«Все так делают»

*

Согласие с большинством против собственных глаз есть самое изученное свойство человека в группе, и оно не требует толпы — довольно семерых.

Опыт Аша. Семеро подставных называют неверную линию; настоящий испытуемый в трети случаев соглашается с ними, видя, что они неправы. Спрошенный после, он говорит, что «наверное, ошибся» или «не хотел выделяться». Довольно одного несогласного — и согласие падает вчетверо.

Отчего. Два источника: сведение — если все видят иначе, быть может, я ошибаюсь; и страх — выделиться значит быть отвергнутым. Второй сильнее и не признаётся.

В толпе это заражение мнением: «все идут — значит, надо». В публике — «все говорят». В торговле — «самый покупаемый». Об этом рычаге — книга об обмане.

Что помогает. Один несогласный вслух; знание опыта Аша — знающий соглашается реже; запись своего суждения до того, как услышал чужие; вопрос «откуда все это знают».

Для ведущего собрание — правило: спрашивать мнения письменно и порознь прежде, чем вслух; иначе собрание высказывает мнение первого говорившего.

Правило: *«все так делают» есть сведение о всех, а не о деле*; и первый несогласный есть самый ценный человек в комнате.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Свидетель, который не помог

*

Чем больше людей видит беду, тем меньше вероятность, что кто-либо поможет; свойство это открыто после убийства на глазах у соседей и с тех пор подтверждено многократно.

Устройство. Ответственность делится: «есть другие, они помогут». Неясность: «может, ничего страшного, никто ведь не бежит» — и все смотрят друг на друга, и всякий видит спокойных. Страх ошибиться на виду. Три причины, и все три растут с числом.

Опыт. Человек один в комнате, куда идёт дым, выходит за минуту; втроём с подставными, сидящими спокойно, — сидит до конца.

Что помогает нуждающемуся. Обратиться к *одному*: «вы, в синей куртке, вызовите врача». Названный не может разделить ответственности. Сказать ясно, что случилось: неясность — главная опора бездействия.

Что помогает свидетелю. Знать это свойство: знающий помогает чаще. Решить заранее, что делать. И помнить, что спокойствие соседей есть сведение о них, а не о деле, — они ждут вас.

Помощь заразительна так же, как бездействие: первый помогающий даёт остальным разрешение.

Правило: *в толпе никто не поможет, покуда один не поможет; и один — это тот, кто помнит, что другие ждут его.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Травля

*

Травля есть толпа против одного, растянутая во времени; устройство её изучено в школах и переносится на службу и сеть без перемен.

Роли. Зачинщик — один, редко двое. Помощники — делают, что он. Одобряющие — смеются. Зрители — молчат, и их большинство. Защитник — редок; и травля держится не зачинщиком, а молчанием зрителей.

Устройство. Безымянность — «все смеялись»; заражение — смех заразителен; козёл отпущения — выбранный по признаку, любому; свидетель, который не помог, — глава двадцать седьмая целиком. Травля есть малая толпа, собранная из тех же частей.

Что не помогает: уговоры жертве «не обращать внимания»; наказание зачинщика без работы со зрителями — место займёт другой.

Что помогает. Зрителям — имя и ответственность: назвать происходящее травлей вслух, при всех; один сказавший «прекратите» меняет большинство, как один несогласный у Аша. Взрослому — работать с группой, а не с двумя. Жертве — выйти из безымянности: рассказать, назвать, найти одного своего.

В сети травля идёт по тем же ролям, без лиц и с тысячей зрителей; средства те же: имя, «прекратите» вслух и выход — закрыть.

Правило: *травля живёт молчанием большинства и умирает от одного голоса*; голос этот дешевле, чем кажется, и дороже всего для того, против кого толпа.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Поветрие

*

Поветрием зовётся заражение публики предметом — вещью, словом, страхом, ценой, — идущее подражанием и кончающееся само собою.

Тард видел в нём основу общественной жизни: мода есть подражание современникам, обычай — предкам; поветрие — мода, ускоренная до недель.

Устройство. Начало — немногие; рост — заражением через крупные узлы, о которых книга о сети; вершина — когда «все»; спад — когда всем, и оттого никому. Кривая одна для песни, слова, болезни и цены.

Пузырь. Тюльпаны в Голландии, акции Ло, земля во Флориде, бумаги 2008 года: цена растёт потому, что растёт, и все покупают потому, что все покупают. «Все так делают» из главы двадцать шестой, обращённое в деньги; о случае и о том, отчего рост не длится, — книга о случае.

Страх-поветрие. Слух о болезни, о нехватке, об опасности заражает публику, как слух заражает толпу; и очередь за солью есть Ходынка в замедленном виде.

Признаки: причина роста — сам рост; довод — «все»; спешка; и то, что о предмете говорят более, чем знают.

Что помогает. Спросить, что было бы, если бы никто не покупал; отсрочка; счёт; и знание кривой — всякое поветрие кончается, и кончается для последних вошедших хуже всего.

Правило: *в поветрии выигрывают первые, платят последние, и последним становится тот, кто вошёл, когда «все».*

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Козёл отпущения

*

Толпа в беде ищет виноватого, и находит его поблизости и по признаку; устройство это древнее и убийственное.

Древность. Козёл, на которого возлагали грехи и выгоняли в пустыню; Иона, брошенный в море по жребию; Фармак в Афинах — человек, изгоняемый ради очищения города. Обряд признавал то, что толпа делает без обряда: единство через общего виновного. Об этом — книга о ритуале.

Устройство. Беда неясна и общая; толпа не выносит неясности; виновный делает беду ясной и даёт действие. Выбирается тот, кто отличается, слаб и близок: чужой, малочисленный, странный. Довод не нужен — довольно признака.

Признаки: виновный найден быстро; признак важнее дела; довод — «они всегда»; и то, что после расправы беда не уходит.

Что помогает. Имя виновному — своё, человеческое, вслух; свидетель, смотрящий в лицо толпе; разрежение; время; и голос, называющий беду по её настоящей причине. Всё это рискованно, и оттого редко.

Для стоящего в толпе: спросить, почему именно он и кто первый назвал; ответ на второй вопрос обыкновенно указывает на устроившего толпу.

Правило: *виновный, найденный толпою, есть сведение о толпе, а не о вине*.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Толпа и власть

*

Толпа есть источник власти и её орудие, и оба употребления имеют признаки.

Источник. Площадь, полная людей, есть довод, которого не имеет ни одна бумага; правители всех времён собирали толпу, чтобы показать её другим, и считали её, чтобы показать себе. Толпа, собранная добровольно, есть мера согласия; собранная по разнарядке — мера страха, и разница видна по лицам.

Орудие. Толпа, направленная на врага, делает то, чего власть не может сделать открыто; ответственности не несёт никто; и наутро власть выражает сожаление. Глава двадцать пятая об устроенной толпе и тридцатая о козле отпущения суть глава об орудии.

Лебон заметил, что и собрание, и парламент при известных условиях суть толпа: заражение, вожак, простота. Условия: волнение, время, отсутствие письменного порядка.

Демагог — вожак толпы, ставший правителем; средства те же — утверждение, повтор, враг; и толпа, приведшая его, не помнит его назавтра.

Мера власти над толпой — выход: власть, оставляющая толпе путь уйти, распоряжается ею; запирающая — получает давку или бунт.

Правило, общее с книгой о сети: *кто собирает толпу, тот держит власть, покуда толпа собрана; и оттого честная власть собирает её редко и распускает быстро.*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Толпа внутри

*

Толпа не только вокруг человека: в нём самом живёт множество мнений, усвоенных без разбора, и оно ведёт себя как толпа.

Откуда. Мнения приходят заражением: от семьи, круга, публики; о том, как чужое становится своим без довода, — книга о внушении. Усвоенное так не имеет ни источника, ни довода, только чувство «все так думают».

Признаки внутренней толпы: мнение готово прежде вопроса; довод за него не находится, а негодование — тотчас; несогласие воспринимается как нападение; и «все» служит основанием.

Заражение изнутри. Одно мнение из толпы тянет за собою соседние: принявший одно принимает всё, что «с ним». Вожак внутри — голос, который громче; козёл отпущения внутри — тот, кого винят за всё.

Что помогает. Спросить о всяком мнении: откуда оно у меня и когда пришло; кто первый сказал; что было бы, если бы никто вокруг так не думал. Записать — на бумаге толпа рассеивается: мнения, поставленные рядом, обнаруживают, что противоречат друг другу. Об этом — книга о вопросе в главе о вопросе себе.

Один несогласный внутри — как у Аша: довольно одного сомнения вслух, чтобы согласие с толпой упало вчетверо.

Правило: *кто разобрал толпу в себе, того труднее собрать в толпу снаружи*; ибо внешняя толпа зовёт внутреннюю, и только её.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ГРАНИЦА

Чего наука о толпе не может, какие учения о ней мнимы,
когда множество мудро,
как упражняться и какими правилами держаться

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Чего наука о толпе не может

*

Соберём пределы, ибо о толпе легко сказать слишком много.

Она не предсказывает искры. Известно, что толпа готова; неизвестно, что её двинет и когда.

Она не отличает толпы доброй от злой по устройству: устройство одно, различие в предмете, и предмет может смениться за минуту.

Она не заменяет счёта. Плотность, выходы, приток считаются, а не чувствуются; распорядитель, полагающийся на опыт, есть распорядитель Ходынки.

Она не оправдывает. Безымянность снимает чувство ответственности, не ответственность; «я был в толпе» есть описание, а не защита.

Она не говорит о народе. Толпа есть положение, народ — память; вывод от первой ко второму есть ошибка, о которой книга об ошибках рассуждения.

И она не даёт власти над толпой тому, кто её не собирал: толпу ведёт первый, а не знающий; знающий может лишь стать первым.

Кто знает эти пределы, тот считает, где можно, ждёт, где нельзя, и не называет толпою тех, кого не понял.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Мнимые учения

*

Вокруг толпы выросли учения, повторяющие Лебона там, где он ошибался, и торгующие страхом перед множеством.

«Толпа всегда паникует». Разбор сотен случаев показал обратное: *люди* медлят и помогают; паника есть исключение, устроенное выходом и словом. Учение это вредно тем, что оправдывает закрытые двери и молчание распорядителей.

«Толпа глупа». Она не рассуждает — и угадывает вес быка. О мудрости множества — следующая глава.

«Мудрость толпы» без условий — обратная ошибка: множество мудро *лишь* при независимости суждений, а толпа есть их отсутствие.

«Психология масс» как оправдание — «народ этого хотел», «толпа потребовала». Толпу собирают, и собравший известен.

«Управление толпой» как наука тайных приёмов — продаётся; приёмы известны и просты: первый, голос, выход, счёт, имя.

«Народ» и «толпа» как взаимозаменяемые слова у тех, кто хвалит первый и бранит вторую по надобности.

Общая примета мнимого учения: оно говорит о толпе *снаружи и сверху*, как о чужом и низшем. Настоящее знание помнит, что толпа — это мы в известном положении, и положение это устраивается.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Мудрость множества

*

Множество бывает мудрее знатока, и условия этого известны точно; толпа есть их нарушение.

Бык Гальтона. В 1907 году на ярмарке восемьсот человек угадывали вес быка; среднее их догадок отличалось от истинного на полфунта — точнее любого мясника. Ошибки в обе стороны погасили друг друга.

Условия. *Независимость*: всякий гадает сам, не зная чужого. *Разнообразие*: люди разные и знают разное. *Своё суждение*: всякий имеет хоть какое-то основание. *Сведение*: догадки собираются и усредняются, а не обсуждаются.

Как толпа ломает условия. Заражение убивает независимость: все видят чужое и повторяют. Вожак убивает разнообразие. «Все так делают» из главы двадцать шестой убивает своё суждение. Остаётся сведение — сумма одинаковых ошибок.

Ремесло. Спрашивать письменно и порознь до обсуждения; собирать догадки прежде мнений; не объявлять чужого до своего; давать слово несогласному первому. Так собрание становится множеством, а не толпой.

Рынок и голосование суть сведения множества — и мудры ровно настолько, насколько независимы участники; поветрие из главы двадцать девятой есть рынок, ставший толпой.

> Множество мудро, покуда каждый судит сам;
> толпа есть множество,
> которое перестало.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Упражнения

*

Толпу учатся видеть, стоя в ней и вне её; упражнения безопасны, если помнить край.

Счёт плотности. В очереди, на площади, в вагоне оценить людей на квадратный метр; заметить, при какой плотности пропадает выбор движения.

Выходы. Входя в любое помещение с людьми, найти второй выход. Через месяц это делается само.

Первый. На улице заметить, кто двинулся первым, когда толпа двинулась: к переходу, к двери, к происшествию. Записать, был ли он прав.

Слух. Проследить один слух до источника: кто первый сказал, что изменилось за три передачи. Найти сглаживание, заострение, уподобление.

Своё до чужого. На собрании записать своё мнение прежде, чем услышал чужие; потом сравнить с высказанным.

Один. Обратиться к одному, когда нужна помощь: по примете, вслух. Заметить, что происходит с остальными.

Толпа внутри. Взять одно своё твёрдое мнение и найти, откуда оно пришло и когда.

Чтение. Лебон — с карандашом, отмечая, что подтвердилось; Толстой о Верещагине; Достоевский «Бесы»; разборы давок.

Правило упражнений: ежедневно, помалу, с записью; об удержании — книга о воле.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Гигиена стоящего в толпе

*

Соберём ежедневные правила для того, кто среди многих, — а это всякий.

Входя — знай выход, и не тот, которым вошёл.

Держись края, покуда есть выбор.

Руки не поднять — выходи вбок, тотчас.

Чувство в толпе — сведение о соседе; считай и смотри на одно лицо.

Не беги за побежавшим, покуда не видишь, от чего.

Спроси, кто первый и откуда он.

Своё мнение — до чужого, письменно.

Нужна помощь — назови одного.

Видишь беду — ты и есть тот, кого ждут.

Слух не пересылай; спроси источник.

В сети — час паузы прежде ответа толпе, и выход всегда рядом.

Назови соседа по имени — и вас уже двое, а не толпа.

Правила эти просты, и это их достоинство: толпа рассчитана на забывшего себя, а помнящий выход и имя в расчёт не входит.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Правила ведущего собрание

*

Соберём правила для того, кто отвечает за множество, — за собрание, праздник, очередь, зал.

Считай вход и знай плотность; чувство здесь лжёт.

Выходов — не менее двух, открытых и названных.

Порядок объяви первым: повестка, очередь, срок; собрание без порядка имеет вожака.

Будь первым — в слове, в движении, у выхода; или имей своих первых.

Голос ровный и слышный; «не паникуйте» не говори — говори куда.

Слух пресекай сведением, не отрицанием; быстро, точно, своим лицом.

Мнения собирай письменно и порознь прежде обсуждения; несогласному — слово первому.

Никому вне очереди на виду у очереди.

Называй людей по имени и смотри в лицо; названный — не толпа.

Оставляй путь уйти: запертая толпа давит или бунтует.

Кончай прежде, чем кончится само.

И помни, что ведущий отвечает за устройство, а не за толпу: давка, паника и бунт суть ошибки места, слова и выхода, и у всякой есть имя устроившего.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Правила стоящего в толпе

*

И правила для того часа, когда толпа уже собралась и вы в ней.

Помни своё имя и назови соседа: безымянность снимается словом.

Помни, что тебя видят, даже если кажется, что нет.

Не заражайся первым чувством; спроси, откуда волна.

Не иди за первым, которого не знаешь.

Не ищи виновного вместе со всеми; спроси, кто первый назвал.

Не молчи при травле: «прекратите» вслух стоит дёшево и меняет большинство.

Не жди, что помогут другие: они ждут тебя.

Не пересылай слуха и не опровергай его повторением.

В давке — руки перед грудью, с волной, вбок при первой слабине.

Уходи, когда толпа устроена и всё готово: это спектакль, и ты в нём статист.

И помни, что толпа не отменяет человека — она предлагает ему забыть себя; предложение это можно отклонить, и отклоняется оно одним усилием — вспомнить, кто ты и где выход.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Заключение: множество и мера

✻

Сведём книгу к тому немногому, что стоит держать в памяти без справок.

Толпа есть *множество, собранное вокруг предмета*, и человек в ней иной: безымянный, заражённый чувством соседа, следующий за первым двинувшимся. Она не глупа и не безумна — она устроена, и устройство её — безымянность, заражение, вожак, слух, плотность — можно знать и считать.

Лебон описал устройство верно и оценил неверно; опыты подтвердили заражение и подражание и опровергли паническое безумие: люди в беде медлят и помогают, а давка есть ошибка места, а не толпы. Тард отделил публику от толпы, и сеть сделала его правоту очевидной.

Ремесло распорядителя — порядок, счёт, выход, голос, имя, первенство. Противники — устроенная толпа, «все так делают», свидетель, который не помог, травля, поветрие, козёл отпущения — побеждаются одним несогласным вслух и одним названным именем. Множество мудро, покуда каждый судит сам; толпа есть множество, которое перестало.

И последнее. Толпа — это не они; это мы в известном положении. *Кто помнит выход и своё имя, тот в толпе не растворяется*; а кто разобрал толпу в себе, того не соберут в толпу снаружи. На этом стоит и множество, и мера.

✺

✻

ТОЛПА

Как ведёт себя множество

Изложение в сорока главах

O.V.K — X.T.R

Набрано и свёрстано
для настольного издания
формата 148 × 210 мм

✺